

Научная статья
УДК 81'22+81;39+81'25

Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gurevich_ls@mail.ru

Аннотация. Обсуждается проблема трансляции и инференции ценностно-мотивационных смыслов, кодируемых в культурных кодах различных этнокультур. Целью данного научного исследования является уточнение понятия «культурный код» и изучение процессов трансляции и инференции культурной информации, кодируемой в культурных кодах наций. Используются концептуальный, аксиологический, классификационный и аналитический методы исследования. Материал исследования – дискурсивные практики различных этнокультур. Результатом исследования стало уточнение понятия «культурный код», выявление причин неверного прочтения культурного кода, а также способов нивелирования негативных последствий неудачной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнокультура, культурный код, трансляция и инференция культурного смысла, кодирование информации, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Гуревич Л. С. Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 148–153.

Original article

Semiotic Issues with Cultural Code Interpretation: Interpreting and Conflating Concepts Driven by Values

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gurevich_ls@mail.ru

Abstract. The difficulty of interpreting and deducing value-motivational meanings from cultural codes of diverse ethnocultures is covered in the essay. This scientific study aims to elucidate the notion of “cultural code” and investigate the methods of interpreting and deducing cultural data stored in national cultural codes. The primary research methods used in this study are conceptual, axiological, categorization, and analytical research methods. The discursive practices of different ethnocultures served as the research material. The study's conclusions included the definition of the term “cultural code,” the reasons why it is misunderstood, and strategies for mitigating the detrimental effects of ineffective cross-cultural communication.

Keywords: ethnoculture, cultural code, translation and inference of cultural meaning, encoding of information, intercultural communication

For citation: Gurevich, L. S. (2024). Semiotic issues with cultural code interpretation: interpreting and conflating concepts driven by values. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 148–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Широкомасштабные изменения в мировом устройстве, включая конфигурацию и соотношение сил, имеют значительное влияние на развитие мировой культуры. Исследователи культуры отмечают, что основные изменения происходят на уровне качественных трансформаций ценностно-мотивационных парадигм. Эти изменения играют важную роль в определении дальнейшего культурного развития различных стран, а также межкультурной коммуникации.

В научном дискурсе всё чаще звучит понятие «культурный код», которое используется для анализа трансформационных культурных процессов. Несмотря на широкое обсуждение этого понятия, культурный код наций остается размытым и нечетким.

Каждая гуманитарная отрасль знаний трактует культурный код по-своему, что создаст разнообразие подходов к его пониманию и интерпретации. Это отражает сложность и многогранность культурного наследия различных народов и наций в условиях современного мирового контекста, поэтому понимание культурного кода становится ключевым аспектом для изучения и сохранения культурного многообразия и идентичности народов в эпоху быстрых изменений и глобализации.

В контексте современного мирового развития взаимодействие и влияние различных культурных кодов становятся особенно актуальными для формирования устойчивого и гармоничного общества. Анализ культурных кодов наций позволяет лучше понять и оценить динамику культурного развития, а также способы адаптации к изменяющимся условиям и вызовам современного мира.

В то же время культурные коды нередко становятся одной из ключевых проблем в понимании между представителями разных этнокультур. Причиной такого недопонимания являются объективные и субъективные факторы трансляции и инференции культурных кодов.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Размытость определения «культурный код» в культурологических исследованиях затрудняет понимание самими исследователями тех процессов, которые происходят в кросс-культурном общении.

Одни исследователи, преимущественно культурологи и социологи, склонны рассматривать культурный код как набор символов, верований, ценностей и практик, передаваемых из поколения

в поколение и определяющих уникальность каждой нации. Они акцентируют внимание на роли языка, традиций, религии, искусства как ключевых элементов, формирующих культурный код и влияющих на восприятие мира, модели поведения и взаимодействия представителей различных этносов [Бабосов, 2016; Бабосов, 2023; Изотова, 2020; Котляров 2022].

Другие, в большинстве своем представители политологии и международных отношений, трактуют культурный код в более прагматичном ключе – как инструмент продвижения национальных интересов на мировой арене. В данном контексте культурный код становится частью «мягкой силы», которая используется для укрепления международного имиджа, привлечения инвестиций, расширения гуманитарного влияния [Горлова, Бычкова, 2015; Денисов, Зуенко, 2022].

Третьи, преимущественно психологи и лингвисты, фокусируются на когнитивном аспекте культурного кода, рассматривая его как систему ментальных моделей, сквозь призму которых представители той или иной культуры воспринимают и интерпретируют информацию. В рамках данного подхода акцент делается на особенностях языкового мышления, национальных стереотипах, механизмах формирования коллективной идентичности [Батыршин, 2024; Гуревич, Батыршин, 2024].

Таким образом, проблема размытости определения «культурного кода» обусловлена многогранностью и комплексностью самого феномена. Для ее решения необходим междисциплинарный подход, объединяющий усилия ученых разных областей знаний [Hall, 1992; Barker, Jane, 2016].

Когда мы говорим о понятии «коды культуры» в гуманитарных науках, мы сталкиваемся с разнообразием интерпретаций, предложенных учеными в различных отраслях гуманитарного знания. Эта тема привлекла внимание многих ученых, большинство из которых пришли к выводу, что нет универсального определения этого понятия в научной литературе. И это вполне логично, учитывая, что каждая область гуманитарной науки фокусируется на своих аспектах исследуемого явления, что определяет интересы каждой дисциплины.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА В СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЗНАК», «СИМВОЛ», «ИНТЕРПРЕТАНТ»

Семантика культурного кода базируется на кластере особых структур, в которых элементы мифологии, религии, искусства и пр. инкорпорируются в языковые модели фразеологизмов, идиом,

паремий и других языковых конструктов, содержащих имплицитное культурологическое знание. Эти структуры участвуют в формировании национальной и индивидуальной картин мира, влияющих как на ментальные представления в целом, так и на особенности межкультурной коммуникации индивида, в частности. Эти особые структуры представляют собой этнокультурные символы, которые требуют расшифровки инкорпорированного культурного знания.

Как справедливо отметил Э. Кассирер: «...Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью <...> позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры» [Кассирер, 1998, с. 480]. Символы, по определению известного ученого, являются частью человеческого мира значения, которые обладают высокой степенью функциональности и характеризуются «не единообразием, а как раз своей изменчивостью» [там же, с. 481]. «Символическое мышление и поведение – самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется весь прогресс человеческой культуры» [там же, с. 472].

Порождение и использование слов разговорного языка, текстов любого вида, образных символов религии и искусства, праздничных, торжественных и иных ритуалов и обрядов и пр. составляют особую культурную подпрограмму в системе социальной коммуникации, «в основе которой лежит способность человека к производству, восприятию и дешифровке символов, и обмену информацией в символизированном виде» [Флиер, 2016, с. 94].

Способность человека к дешифровке символов – это не единственное требование успешной коммуникации в семиотическом смысле: объективно, как справедливо отмечает Р. Якобсон, знак сам по себе нуждается в возможности быть интерпретированным, даже если адресант отсутствует или обозначен в обобщенном виде [Якобсон, 1996].

Знак и код – два понятия, которые играют важную роль в языке и коммуникации. *Знак* существует независимо от человека в рамках языковой системы. Он представляет собой часть семиотической системы, имеющую свои собственные *смысл* и *значение*.

Что касается *кода*, то, являясь главным инструментом в формировании смысла и его интерпретации, код выступает как *двусторонняя сущность, процессуальный и динамичный элемент человеческой коммуникации*.

Знак и *код* взаимосвязаны и взаимозависимы в процессе обмена информацией. *Знаки* используются для передачи сообщений, которые затем кодируются и декодируются людьми в рамках определенной языковой системы. Иными словами,

знаки являются строительными блоками языка, представляя собой его элементы, в то время как кодирование и декодирование информации играют ключевую роль в процессе коммуникации между людьми [Батыршин, Гуревич, 2024].

Коммуникативный процесс, который включает в себя двух ключевых участников – *говорящего* и *слушающего*, – является сложным и многоуровневым. Говорящий, будучи кодировщиком культурной информации, направляется от смысла к тексту, создавая содержание и кодируя в него культурные значения и смыслы. Слушающий же, являясь интерпретатором культурной информации, неосознанно прибегает к «статистическому подходу», выбирая наиболее подходящие паттерны для интерпретации культурного кода другой нации и следуя обратному пути – от воспринимаемого текста к пониманию его смысла [Алпатов, 1999, с. 10].

В семиотической теории («теории знаков») Ч. Пирс представил более сложную систему взаимодействия, которая включает в себя три элемента: *знак, объект и интерпретант*. Он разделяет эти компоненты, утверждая, что знак существует независимо от интерпретанта и не равен объекту. По сути, знак сам по себе является частью языковой системы [Пирс, 2000].

В данной интерпретации культурный код включает в себя совокупность знаков и систему правил, которые используются для представления информации в виде символов, а также их передачи, обработки и хранения. Однако многие определения культурного кода уделяют внимание только кодированию информации, упуская из виду декодирование. Как показывает исследовательская практика, *процесс интерпретации и декодирования культурного кода играет такую же важную роль, как и его кодирование*.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КУЛЬТУРНОГО КОДА КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОБЛЕМ: СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

Интерпретация культурного кода может существенно отличаться от передаваемой информации, что делает каждый акт коммуникации уникальным и непредсказуемым, поэтому нельзя рассматривать культурный код как исключительно средство передачи информации, не учитывая процесс интерпретации, который формирует окончательное понимание и восприятие сообщения. В этом заключается, по определению Э. Кассирера, чрезвычайная изменчивость культурного символа,

когда мы говорим о межкультурной коммуникации [Кассирер, 1998].

Всё, что касается интерпретативной деятельности коммуникантов, относится к сфере субъективных факторов, которые могут так или иначе повлиять на успешность межкультурной коммуникации, на верное «прочтение» чужого культурного кода. Культурный код не является просто механическим инструментом передачи знаний и ценностей, это, скорее всего, сложная система, где каждый участник взаимодействия придаст свой собственный смысл и толкование высказываниям.

Иногда транслируемый и инферируемый смыслы значительно расходятся. В таком случае мы можем утверждать, что культурный код остался непрочитанным, нераскрытым, а акт коммуникации оказался неудачным. Этот разрыв между транслируемым и инферируемым смыслами, этот «непрочитанный» культурный код, может привести к множеству проблем в межличностном и межкультурном взаимодействии. «Непрочитанный» или неверно инферированный культурный код может стать причиной недопонимания, обид, конфликтов и даже разрушения отношений.

Неудачная шутка, основанная на культурных контекстах родной страны говорящего, может оказаться непонятной для собеседника или даже воспринята как грубость или оскорбление, что может привести к напряженности в общении и к коммуникативной неудаче.

В другой ситуации восхищение, которое в национальной культуре говорящего считается комплиментом, в культуре собеседника может быть расценено как неуместное или даже непристойное. Прагматические ожидания говорящего, основанные на знании исключительно собственных культурных кодов, могут потерпеть фиаско: вместо положительных эмоций говорящий может вызвать у слушающего чувство неловкости и неприятия.

«Непрочитанный» культурный код может проявляться и в более серьезных ситуациях. Например, в деловых переговорах, где неправильная интерпретация условий контракта, вызванная различиями в культурных кодах, может привести к серьезным финансовым потерям. Важно понимать, что культурный код – это не просто набор правил и норм, а сложный и многоуровневый механизм, который формируется исторически, социально и психологически. Он включает в себя язык, обычаи, традиции, ценности, представления о мире, этикет, жесты и даже невербальное общение. Каждый человек, погруженный в свою культуру, невольно привносит в процесс коммуникации свои индивидуальные интерпретации, что делает процесс понимания сообщения нелинейным и многогранным.

Среди частных причин коммуникативных неудач, связанных с неверным прочтением «чужого» культурного кода, можно назвать следующие коммуникативные ошибки:

- а) отрицание самой идеи существования культурных кодов, которые обладают инкорпорированным культурным контентом;
- б) отсутствие должной эмпатии, позволяющей понять собеседника, его точку зрения и восприятие ситуации с учетом его культурных особенностей;
- в) использование в межкультурной коммуникации сложных метафор, идиом и жаргонизмов, которые могут быть непонятны собеседнику;
- г) невнимание собеседников к невербальным сигналам: язык тела, мимика, жесты могут также нести в себе важный культурный контекст;
- д) отсутствие уточняющих вопросов в ситуации недопонимания культурного контекста и т. д.

Помимо субъективных причин неверного прочтения культурного кода, существуют объективные причины, которые априори готовят не совсем благодатную почву для межкультурного общения. Одной из таких причин является тот факт, что каждый из культурных кодов соотносится с концептосферой определенной этнической культуры, в которой, даже при наличии общих культурных категорий, формируются разные представления о природе вещей и разные ценности.

Так, например, в интерпретации гастрономического кода различных этносов обязательно возникнут сложности в понимании и в оценке, казалось бы, универсальной категории «еда». То, что в понимании восточного человека относится к еде, для человека западной культуры едой может не являться. Жуки, термиты, личинки жуков и долгоносиков в западной культуре не относятся к концептосфере гастрономического кода и гипотетически представляют собой объективную основу потенциально неверной, с точки зрения представителей восточной культуры инференции.

Другой объективной основой ложных инференций являются лингвокультурные концепты, в которых нередко заключены культурно специфические метафорические образы национальных (этнических) лингвокультур, способные стать причиной неверной интерпретации культурных кодов [Тер-Минасова, 2000].

Культурные коды могут быть *общенациональными*. К таким кодам относятся основанные на национальных традициях общекультурные коды. Например, празднование Рождества в разных странах

связано с большим количеством рождественских символов, которые не всегда известны представителям других, далеких этнокультур. В некоторых европейских государствах существуют рождественские символы, которые не встречаются в русской культуре. Так, например, *падуб* (*остролист*), олицетворяющий бессмертие и терновый венец Иисуса; *венки* – символ вечной любви и перерождения; *карамельная трость*, в которой белый цвет символизирует чистоту, а красный – пролитую Иисусом кровь; *имбирный человечек* – символ рождественской кухни (в другой интерпретации он напоминает о том, что мы все – создания Адама и что мы не вечны) и т. д.

Культурные коды не являются устойчивыми ментальными конструктами в национальных картинах мира. Это более эфемерные образования, которые не всегда разделяются всеми без исключения представителями этноса. Коды могут быть известны определенной группе населения по возрастному принципу, по принципу профессиональных занятий и предпочтений. Культурные коды могут принадлежать одной эпохе или одному поколению. По прошествии определенного времени культурные коды размываются и уже не передают скрытого закодированного смысла. Такие культурные коды можно назвать *однопоколенными*. Чаще всего *однопоколенные культурные коды* основаны на прецедентных культурных контекстах, утрачивают свою значимость в другом, подрастающем поколении, которое уже не владеет данным культурным кодом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование семиотических аспектов культурных кодов указывает на то, что данные ментальные конструкты выполняют в межкультурной коммуникации функцию передачи ценностно-мотивационных смыслов отдельных этнических культур.

Культурные коды представляют собой априори скрытую, закодированную культурную информацию, для правильного понимания которой требуются определенные правила трансляции и инференции культурной информации.

Проблемы неверного прочтения культурного кода можно отнести к двум категориям: субъективным и объективным. Объективные причины базируются на кросс-культурных различиях этнических культур, и без глубокого «погружения» в чужую культуру преодоление барьера культурного кода становится объективно невозможным. Субъективные причины индивидуальны для каждого конкретного акта межкультурной коммуникации, и решение коммуникативных проблем находится в зоне контроля самих коммуникантов.

Изучение культурных кодов наводит на мысль о современной тенденции к их частичной универсализации в связи с глобальными изменениями в области культуры. И этот феномен достоин дальнейшего тщательного исследования в рамках современных ценностно-мотивационных парадигм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3(157). С. 48–50.
2. Бабосов Е. М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // Экономика. Социология. Право. 2023. № 1 (29). С. 35–39.
3. Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 4. С. 5–11.
4. Котляров И. В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 3. С. 1–9.
5. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
6. Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: (ИМИ) МГИМО МИД России, 2022.
7. Батыршин Р. И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 46–54.
8. Гуревич Л. С., Батыршин Р. И. Культурный код нации: принцип национальной ценностной ориентации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 67. С. 13–23.
9. Barker Ch., Jane E. A. (2016). Cultural Studies: Theory and Practice. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne.
10. Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies // Cultural Studies / Ed. by L. Grossberg, C. Nelson, P. Trenchler. London and New York: Routledge, 1992. P. 96–109.
11. Кассирер Э. Логика наук о культуре / пер. с нем. и комм. С. О. Кузнецова, Б. Вимера. В кн.: Кассирер Е. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 7–140.
12. Флиер А. Я. Символ в культуре: генезис – функции – значимость // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1 № 1. С. 94–99.

13. Р. Взгляд на развитие семиотики. М.: Гнозис, 1996.
14. Батыршин Р. И., Гуревич Л. С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 1 (92). С. 7–18.
15. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000.

REFERENCES

1. Babosov, E. M. (2016). Kul'tumyj kod nacji: sushchnost' i osobennosti = Cultural code of the nation: essence and features. Nauka i innovacii = Science and innovation, 3(157), 48–50. (In Russ.)
2. Babosov, E. M. (2023). The cultural code of the nation: careful reproduction of the past and aspiration to the future. Economics. Sociology. Law, 1(29), 35–39. (In Russ.)
3. Izotova, N. N. (2020). On the reading of the “cultural code” in linguoculturology. Culture and Civilization, 10(4), 5–11. (In Russ.)
4. Kotlyarov, I. V. (2022). Cultural code: towards a new system of values (socio-philosophical trends). The world of science. Sociology, philology, cultural studies, 13(3), 1–9. (In Russ.)
5. Gorlova, I. I., Bychkova O. I. (2015). Culture as a “soft power”: tools and points of application. Theory and practice of social development, 18, 268–272. (In Russ.)
6. Denisov, I., Zuenko I. (2022). Ot myagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR = From soft power to discursive power: new ideologies of China's Foreign Policy. Moscow: MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. (In Russ.)
7. Batoryshin, R. I. (2024). To the Definiton of Nation's Cultural Code Concept: Linguistic and Culturological Approach. Culture and Arts Herald, 1(77), 46–54. (In Russ.)
8. Gurevich, L. S., Batoryshin, R. I. (2024). The cultural code of the nation: the principle of national value orientation. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 67, 13–23. (In Russ.)
9. Barker, Ch., Jane E. A. (2016). Cultural Studies: Theory and Practice. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC.
10. Hall, S. (1992). Cultural Studies and its Theoretical Legacies'. In Grossberg, L., Nelson, C., Trierchler, P. (Eds.), Cultural Studies (pp. 96–109). London and New York: Routledge.
11. Cassirer, E. (1998). Logika nauk o kul'ture = Logic of the sciences of culture. Translated from German and comments by S. O. Kuznetsov, B. Vimer. In Cassirer, E., Izbrannoe. Opyt o cheloveke (pp. 7–140). Moscow: Gardarika. (In Russ.)
12. Flier, A. Y. (2016). A Symbol in Culture: the Genesis – Functions – Significance. Observatory of Culture, 1(1), 94–99.
13. Jakobson, R. (1996). Vzgljad na razvitie semiotiki = A look at the development of semiotics. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
14. Batoryshin, R. I., Gurevich, L. S. (2024). Phenomenological aspects of the concepts of “national cultural identity” and “cultural code of the nation”. Cultural life of the South of Russia, 1(92), 7–18. (In Russ.)
15. Alpatov, V. M. (1999). Istoriya lingvisticheskikhuchenij = History of linguistic teachings. A study guide. 2nd ed., revised. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
16. Pierce, C. S. (2000). Izbrannye filosofskie proizvedeniya = Selected philosophical works. Moscow: Logos. (In Russ.)
17. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'twnaya kommunikaciya = Language and intercultural communication: a study guide. Moscow: Slovo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуревич Любовь Степановна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurevich Lyubov Stepanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.09.2024
15.10.2024
18.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication